

Беседа четвёртая

Практика революционного народничества

Итак, в третьей беседе мы разобрали теории народничества. Разрешить теоретический спор могла только практика. Только практика могла выявить истинное и отсеять ложное. Только практика могла вынести им исторический приговор. Что же показала практика народнического движения? Между учениями Лаврова, Бакунина, Ткачева и практикой не было отношения причины и следствия. Не учения вызывали массовое хождение молодежи 70-х годов в народ. Не теории породили практику. А и «теория» и «практика» были в одинаковой степени следствием одной и той же общей причины - развития общественных противоречий в пореформенной России, они были в одинаковой степени наследниками идейного богатства демократов-разночинцев 60-х годов. Они («теория» и «практика») были дополняющими друг друга частями целого.

Всем этим объясняется, что среди народников-практиков, среди действенного народничества почти не было чисто лавристских, или чисто яacobинских кружков. Так, у нечаевцев яacobинские, бланкистские идеи сочетались с анархистскими идеями Бакунина, а программа кружка чайковцев включала как лавристские, так и бакунистские положения.

Но как бы там ни было, в той или другой форме, но все идеи, все теоретические положения учений русского социализма Лаврова, Бакунина и Ткачева были проверены жизнью, практикой революционного народничества 70-х годов.

Переход революционной молодежи от одних идей к другим вызывался, разумеется, не школярским желанием «проверить» все учения, созданные в заграничных русских журналах, а настоящей необходимостью революционной борьбы, потому переходы эти имеют объективный, закономерный характер. На эту закономерность следует обращать особое внимание;

ибо, не поняв закономерности (необходимости и неизбежности) краха одних народнических идей и перехода к другим, краха этих «других» и перехода к третьим - не поняв этого, нельзя понять и закономерности (необходимости, неизбежности) краха народнических идей вообще.

Нечаев: практика «якобинцев»

Первыми на практике были опробованы идеи якобинцев. Мы имеем в виду *деятельность Нечаева и его единомышленников в 1868-1870 гг.*

Фабула нечаевской истории такова (даем ее, опираясь на воспоминания В.И. Засулич)¹.

В 1868-1869 п. Нечаев участвует в студенческом движении с Ткачевым (будущим теоретиком якобинцев), возглавляет левую, наиболее решительно настроенную часть студенчества. Когда начались аресты, он скрылся за границу, а в письмах товарищам сообщал, что его будто бы арестовали, посадили в Петропавловскую крепость и что он оттуда бежал (так он создавал себе капитал революционного деятеля).

За границей он правдами и неправдами приобрел расположение Бакунина и Огарева.

Получил подписанный Бакуниным документ: «Податель сего №2 2771 есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза», и, вернувшись в конце августа 1869 г. в Россию, принялся создавать заговорщическую организацию, вербуя оппозиционно настроенных студентов (главным образом студентов Петровской земледельческой академии).

Началась заговорщическая конспиративная деятельность – сложная система образования пятерок, вербовки новых членов. (А что еще делать заговорщикам? Подготавливать, убеждать людей, считал Нечаев, дело совершенно бесполезное, напрасная потеря времени. Их следует втягивать в

¹ См. Засулич В.И. Нечаевское дело. «Группа «Освобождение труда». Сб. № 2. М., 1924. С. 22-73.

организацию такими, каковы есть, и брать с них то, что можно). Вербовали, разумеется, своих близких друзей. Но скоро оказалось, что у всех завербованных ближайšie товарищи тоже стоят в организации и делать становилось нечего. Все были под номерами: собирались на заседания по пятеркам и писали протоколы заседания. С этими протоколами у членов высших кружков была постоянная возня: с них строжайшим образом требовались письменные доклады, а составлять их никому не хотелось, да и писать-то было нечего. «Протоколы» - это неспроста было придумано Нечаевым. Это были те «компрометирующие документы», благодаря которым он мог держать всех в послушании. А чем же еще долго можно держать людей в заговорщическом ничегонеделании? Как сделать, чтобы не отошла от него молодежь, чтобы не испортить это «мясо для заговоров»? «Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих» - так относился Нечаев к своим друзьям-заговорщикам. И эту сторону *нечаевщины* превосходно охарактеризовал Бакунин (он-то, слава богу, имел о ней прекрасное представление). По убеждению Нечаева, писал Бакунин, «за вычетом десятка, составляющих «избранных», - все остальное должно служить слепым орудием и как бы материей для пользования в руках этого десятка людей действительно солидарных. Дозволительно и даже простительно их обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нужде, даже губить их, это мясо для заговоров...»; «во имя дела он должен завладеть вашей личностью без вашего ведома. Для этого он будет вас шпионить и постарается овладеть всеми вашими секретами...» «в вашем отсутствии, оставшись один в комнате, он откроет все ваши ящики, прочитает всю вашу корреспонденцию, и когда какое письмо покажется ему интересным, т. е. компрометирующим с какой бы то ни было точки вас или одного из ваших друзей, он его крадет и прячет

старательно как документ против вас или вашего друга..,». «Если ваш приятель, имеет жену, дочь, он старается ее соблазнить, сделать ей дитя, чтобы вырвать ее из пределов официальной морали и чтобы бросить ее в вынужденный революционный протест против общества. Всякая личная связь, всякая дружба считается злом, которое они обязаны разрушить, потому что все это представляет силу, которая, находясь вне секретной организации, уменьшает единую силу этой последней».

Такова моральная атмосфера нечаевского заговора. Как же живется, как дышится людям в этой атмосфере?

Остановимся на некоторых из «главной пятерки». 18-летний Николаев. **Крестьянский** мальчик, кончивший свое образование в сельской школе. Нечаеву очень пригодились качества этого типичного «крестьянского сына»: и его недостаточная умственная развитость в сравнении с представителями интеллигенции, его наивность, с которой он принимал все за чистую монету, его поклонение культу силы, его терпеливость и выносливость. «Он стал буквально его (Нечаева) рабом, но рабом любящим, преданным, на которого можно положиться, как на самого себя... С ним даже хитрить не было надобности: самые, казалось бы, нелепые приказания он свято исполнял, не задавал вопросов и ни на йоту не отступал от инструкций». В деятельности Нечаева этот крестьянский юноша чаще, всего играл роль «деятеля из народа», и для интеллигенции, членов организации, он олицетворял собой народ, его чаяния, думы и желания. А этот «народ» был лишь пешкой в руках Нечаева, был, как пишет Засулич, «пугалом для многих членов организации». «Самому Николаеву было строго запрещено пускаться в разговоры - говорил за него Нечаев, он же разыгрывал свои разнообразные роли в строгом молчании»

23-летний студент Кузнецов. Он всеми силами старался служить «народу», в лице его представителей Нечаева и Николаева. Но в атмосфере нечаевщины служить народу

оказывалось непросто.

Той окрыляющей радости, которая естественно должна наполнять человека, отдающего свои силы для блага людей, Кузнецов не испытывал. Как-то совершенно незаметно для себя он погружался в вязкое болото лжи и мистификаций.

Когда организация получила приказание собирать деньги с сочувствующих, Кузнецову, поскольку он был сын богатых купцов, было поручено делать сборы с купечества. Поручение по тем временам нелепое вообще, а по отношению к Кузнецову - в особенности. «Московских купцов он вовсе не знал, но желание угодить и не обмануть ожиданий было так сильно, что он вносил несколько раз по 200-300 р. собственных, присланных родными денег и записывал их как собранные с купечества». (Нечаев, конечно, догадывался обо всем этом, но уличать Кузнецова не стремился: главное - деньги достает, ну и хорошо, пусть хоть ворует; *человек* Нечаева не интересовал: срывай с каждого столько, *сколько* на сегодняшний день можешь сорвать). А Кузнецов все больше и больше запутывался: «по внешности он казался страшно занятым, возбужденным, деятельным; в сущности же своей исполнительностью он навлек на себя массу дел и поручений (которые, добавим, нередко не имели ничего общего с реальными возможностями): переговорить с тем-то, достать то-то, привлечь того-то, и не был в состоянии выполнить их, но по слабости характера он не решался отказываться и, стараясь выкручиваться из затруднений ложными отчетами, путался все более». Кузнецов терял свой нравственный облик.

Успенский. Человек ***высокоинтеллигентный***, талантливый. В отличие от Кузнецова, Успенский обладал достаточно твердым и решительным характером, был человеком весьма широких знаний и, конечно, Нечаева он оценивал более реалистически, чем другие. Успенский видел его недостатки, видел его хитрости, но сознательно закрывал на них глаза. Он вполне понимал, что в России немыслима никакая легальная работа на

пользу масс, и в то время «по собственной инициативе... едва ли он скоро сделался бы заговорщиком: в его натуре не было элементов практического деятеля», у него не было ни знания людей, ни изворотливости. Нечаев был практик, это Успенский в тот момент поставил выше всего и «в интересах дела» подчинился ему. Этим он, так сказать, освятил нечаевскую деятельность и тем самым оказал Нечаеву неоценимую услугу по одурачиванию (или, вернее сказать, по идейному закабалению) многих молодых нечаевцев, для которых мнение такого образованного человека, как Успенский, значило очень много.

И, наконец, Иванов, 22-летний студент.

Как ни гони природу в дверь, она войдет через окно. Как ни пытайся посадить на цепь мысль человеческую, как ни пытайся подавить ее угрозами или хитростью,- ничего не выйдет. Идеи могут быть побеждены только идеями.

Вот что говорилось в нечаевском документе: «Общие правила сети для отделений»:

«Все количество лиц, организованных по «Общим правилам», употребляется как средство или орудие для выполнения предприятий и достижения целей общества. Поэтому во всяком деле, приводимом отделением в исполнение, существенный план этого дела должен быть известен только отделению; приводящие его в исполнение люди отнюдь не должны знать сущность, а только те подробности, те части дела, которые выполнять выпало на их долю. Для возбуждения же энергии необходимо объяснять им сущность дела в превратном виде». И дальше: «План, предложенный со стороны Комитета, выполняется немедленно».

И вдруг выясняется, что один человек из руководящей пятерки не хочет быть больше «средством или орудием» неведомых ему целей, не соглашается объяснять кому бы то ни было из товарищей «сущность дела в превратном виде» и

отказывается выполнять дурацкие приказания таинственного Комитета, которые вредят студенческому движению, человек, который подозревает также, что и Комитета-то никакого не существует, а существует лишь дурачащий их маленький Наполеон из народа - Нечаев.

Этим человеком был один из любимцев студентов Петровской академии Иванов.

Иванов с самого начала стремился сознательно служить революционному делу, сознательно, а не механически выполнять поручаемое ему. А сознательно - значит, он должен принять участие в выработке того или другого решения, а не получать готовый приказ; значит, он должен иметь право критики тех или других действий, право сомнения, короче, он должен иметь право голоса, к которому прислушиваются и который уважают.

И с самого начала этому стремлению Нечаев противопоставил административный окрик и угрозу. Такой метод «руководства» имел успех лишь первое время, пока критическая мысль была еще слаба и, так сказать, не стояла еще на собственных ногах. Но она росла и развивалась. И в один прекрасный (вернее трагический) момент Нечаев почувствовал: всё, угрозы не действуют. И тогда он без всяких колебаний решает убить мысль, убить Иванова.

Немедленно фабрикуется соответствующий приказ Комитета. Любопытно, как отнеслись к этому «смертному приговору» упомянутые нами члены руководящей пятерки.

Ну, с Николаевым, с этим «крестьянским сыном», с этим любящим и преданным рабом - все ясно. Он думает так, как думает его бог - Нечаев. Раз бог говорит, что Иванов враг, значит - враг и дело с концом.

«Николаеву, - пишет Засулич, —...было заявлено, что Иванов не повинуется Комитету и будет убит. А ты ступай в академию и посмотри, там ли он, - добавил Нечаев. Не задавая никаких

вопросов, не выказывая ни малейшего недоумения, Николаев оделся и вышел».

Успенского Нечаев «обработал» так, что тот только рот разинул. Нечаев, зная эту «богато одаренную», «последовательно теоретическую» натуру Успенского, зная его любимый способ решать спорные практические вопросы сперва в теории, в принципе и затем уже не отступать перед принятым решением на практике, как бы тяжело оно ни было, зная это, Нечаев задал Успенскому теоретический вопрос: обязательно ли для Общества устранять всеми зависящими от него способами являющиеся :на пути препятствия? И получив, естественно, утвердительный ответ, Нечаев показал, что Иванов составляет препятствие (при этом Нечаев без всяких церемоний, без всяких документов и фактов, высказался в том смысле, что выйдя из организации и ставши к ней во враждебное положение, Иванов может кончить доносом). Правда, когда речь коснулась смертной казни (или попросту - убийства), поколебался даже такой последовательный человек), как Успенский; «Но какое же имеем мы право лишать человека жизни?» - спросил он. «Это вы о подсудности, что ли? - возразил Нечаев.- Тут дело не в праве, а в нашей обязанности устранять все, что вредит делу, – иных же способов сделать Иванова безвредным мы не имеем».

На этот «теоретический довод» Успенский сдался. (Хотя мы склонны думать, что все эти теоретические построения – лишь жалкая и, может быть, неосознанная попытка успокоить совесть и сохранить уважение к себе; на самом деле Успенский был раздавлен не теоретическими доводами, а удушающей атмосферой нечаевщины; он самообманывался, если бы думал иначе).

И - третий, потерявший себя и совершенно растерявшийся Кузнецов; для него «Иванов был старым товарищем, почти другом, с которым он прожил много лет». Как же повел себя Кузнецов, когда узнал, что его друг совершенно необоснованно

обвиняется в потенциальном предательстве и что над ним уже занесена рука убийцы?

Вот как. Сначала он «принялся уверять, что Иванова всегда можно уговорить, что он беретса его успокоить». Потом он с общего вопроса перешел к частному: «убийство невыполнимо, оно не может удался». Наконец, Нечаеву надоело слушать этот жалкий лепет и он «грозно спросил: «Не думает ли он сопротивляться Комитету?» - Кузнецов замолчал».

Вот и все. Остается только добавить, что Иванов был убит. «Потенциального предателя» заманили в грот в парке Петровско-Разумовского, ему сказали, что там спрятана типография, которую надо отрыть. «Потенциальный предатель», услышав о действительном деле, немедленно согласился отправиться в грот, но его ждала там пуля Нечаева.

Этим, собственно, и кончается «деятельность» нечаевского общества «Народная расправа». Вскоре большинство ее членов были арестованы, а Нечаев скрылся за границу.

Каковы же объективные результаты всей этой деятельности нечаевского общества для революционного процесса? Какое влияние оказала она на революционную молодежь начала 70-х годов?

Мы уже говорили, как печально сказалась атмосфера нечаевщины на самих членах общества. И это особенно было заметно на процессе. «Внезапно явившееся вместе с арестом сознание,— писала Засулич, — что ни Комитета, ни близости народного восстания, ни обширной организации —ничего этого не существует, а были только они одни, обманутые студенты, заговорщики по ошибке, действовало на арестованных

подавляющим образом. То возбужденное, поднятое настроение, в которое они были искусственно приведены, мгновенно опало, и юноши очутились ниже, чем были до своего соприкосновения с призраком революции. Немногие из членов организации оправились потом, к немногим возвратилась прежняя бодрость

и жажда дела».

А вот и более широкая оценка, данная Верой Ивановной Засулич: «Несмотря на всю свою революционную энергию, Нечаевы не усилили бы революционных элементов среди нашей интеллигентной молодежи, ни на шаг не ускорили бы ход движения, а могли бы, наоборот, деморализовать его и отодвинуть назад, особенно в ту раннюю пору. Система «не убеждать, а сплачивать» и обманом толкать на дело, вела, конечно, «к бесследной гибели большинства», но ни в коем случае не «к настоящей революционной выработке...».

Но давайте задумаемся: является ли нечаевщина случайным явлением для революционного движения в России?

Большинство отечественных историков заявляли, что для русского революционного движения нечаевщина - явление случайное.

Вот об этом мы и хотим порассуждать. Ну, во-первых, что обычно вкладывают в понятие «нечаевщины»? Заговорщическая деятельность, основанная на строгой централизации (деспотии центра), марионеточном послушании низших, на мистификации, обмане и вероломстве. (Сюда же надо добавить еще одну весьма существенную черту, верно подмеченную Засулич: это - «жгучая ненависть, и не против правительства только, не против учреждений, не против одних эксплуататоров народа, а против всего общества, всех, образованных слоев...»).

Случайна ли была идея тайного заговора в России в конце 60-х годов XIX в. (т. е. коренилась ли она в объективных условиях российской жизни или только в голове фанатичного Нечаева)?

Вообще революционная деятельность в виде заговоров возникает там, где не сложился, не созрел класс, которому предстоит освободить все общество. «Всем знакома склонность романских народов к заговорам, - писали Маркс и Энгельс, - а также роль, которую играли заговоры в современной истории

Испании, Италии и Франции»², т. е. в странах с преобладанием мелкой буржуазии.

Заговор - это политическое выражение революционности мелкого буржуа. Почему же интересы мелкой буржуазии имеют тенденцию принимать форму заговора? Ответ на этот вопрос дан Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта».

«Мелкие крестьяне (Parzellenbauern) составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Эта изолированность еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает при обработке никакого разделения труда, никакого применения, науки, а, следовательно, и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень - департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того, как мешок картофелин образует мешок картофеля. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, они образуют класс. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь местная связь,

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 285.

поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, – они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, стоящим над ними авторитетом, в виде неограниченной правительственной власти, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние мелкого крестьянства в последнем счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество»³.

Могут сказать, все это хорошо, но причем здесь тайные заговоры? Ведь Маркс говорит о правительстве.

А при том, что люди, пришедшие к власти, прежде чем стать членами правительства в таких странах, должны были быть заговорщиками. И именно в среде заговорщиков складываются и вырабатываются те принципы руководства и управления, которые будут применены на другой день после революции. «Прообразом будущего общества» называли бакунистские заговорщики свою тайную организацию - Альянс. И этот «прообраз» достаточно полно проявил себя. «Бонапартистами» называли Маркс и Энгельс бакунистских заговорщиков, а сам Бакунин получил от них «звание» лейб-гвардии диктатора.

Итак, заговор, повторяем, – средство революционной борьбы, порождаемое мелкобуржуазной стихией, средство, получающее значительное распространение в условиях отсутствия массового социально-политического движения.

Именно такова и была обстановка в России в конце 60-х годов XIX в.

Вот почему можно решительно утверждать, что

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. произв. в двух томах. Т. I. С. 292-293.

заговорщическая деятельность имела корни в объективной действительности, и потому случайной ее назвать никак нельзя. Разумеется, она была не единственной формой мелкого производителя против гнетущих жизненных условий. Мелкий производитель – слишком противоречивое явление, в нем развиваются слишком противоречивые тенденции; чтобы иметь однозначный выход – лишь в форме заговора; его протест может принимать и принимал и другие формы, соответствующие другим сторонам его общественного бытия.

А раз мы признаем неслучайной заговорщическую деятельность, то надо быть последовательными и не признавать случайными атрибуты этой деятельности, в число которых, между прочим, входят и мистификация, и вероломство, и ненависть к науке и «образованным людям» вообще и проч. и проч. Ибо эти атрибуты - опять-таки не случайны для заговора, а вытекают из его сути.

В чем же заключается эта суть, почему мелкий буржуа прибегает к заговору? Потому, что законы объективного развития - против него. А объективные законы реализуются через деятельность общества, через деятельность массовых сил общества.

Поэтому и реальные массовые силы (поскольку они знают законы развития, тенденции процесса и свою роль в нем) враждебны мелкому буржуа. Поэтому он (мелкий буржуа) против просвещения, против науки. Для того чтобы остановить общественное развитие или хотя бы направить его в выгодную для себя сторону, мелкий буржуа не имеет за собой реальных общественных сил. Поэтому он хватается за любую соломинку: ему ничего не остается, как надеяться на чудо. И это чудо пытаются осуществить через заговор, через бонапартистские приемы и методы деятельности. Заговорщики - «алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков. Они увлекаются изобретениями, которые должны сотворить

революционные чудеса: зажигательными бомбами, разрушительными машинами магического действия, мятежами, которые должны действовать тем чудотворнее и поразительнее, чем меньше имеется для них разумных оснований. Занятые сочинением подобных проектов, они преследуют только одну ближайшую цель - низвержение существующего правительства, и глубочайшим образом презирают просвещение рабочих относительно их классовых интересов, просвещение, носящее более теоретический характер. Этим объясняется их ... чисто плебейская неприязнь к *habits noirs*, более или менее образованным людям, представляющим эту сторону движения...»⁴. (Последние слова почти полностью повторяют то, что, как мы помним, говорила Засулич об отношении Нечаева к интеллигенции).

А вот откуда вероломство и взаимный шпионаж заговорщиков (то, что мы называем теперь нечаевщиной): «Заговорщики находятся в постоянном соприкосновении с полицией, они ежеминутно приходят в столкновение с ней; они охотятся за шпиками, так же как шпики охотятся за ними. Шпионство - одно из их главных занятий. Поэтому неудивительно, что небольшой скачок от заговорщика по профессии к платному полицейскому агенту совершается так часто, если к этому еще толкают нищета и тюремное заключение, угрозы и посулы. Этим объясняется безграничная подозрительность, которая царит в заговорщических обществах, совершенно ослепляет их членов и заставляет их видеть в своих лучших людях шпииков, а в действительных шпииках своих самых надежных людей»⁵.

Так что если бы заговорщическая деятельность Нечаева была единственной на святой Руси, если бы у него не было предшественников и вольных или невольных последователей, то и тогда мы имели бы полное право отрицать случайность нечаевщины в русском освободительном движении. Но мы

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 288.

⁵ Там же. С. 288-289.

обязаны это сделать тем более, что у Нечаева были и предшественники и последователи. Это - автор «Молодой России» П. Г. Зайчневский, это П. Н. Ткачев, это (в какой-то мере) народовольцы и, наконец, эсеры (Б. Савинков и др.) - целая линия в истории русского революционного движения.

Идейное родство нечаевщины и взглядов названных «революционеров» нетрудно доказать документально, да это в той или иной форме признается и многими историками.

Л. Г. Дейч, например, пишет о «предпринятой его (Нечаева) единомышленниками – Зайчневским и Ткачевым – в середине 70-х годов» «проповеди макиавеллизма», он говорит, что «народовольцы стали очень снисходительно относиться к якобинским воззрениям; этим, несомненно, объясняется то огромное значение, какое они придали Нечаеву, поставив рядом с цареубийством план его освобождения»⁶. Сходные взгляды высказывает Б. П. Козьмин в статьях о Зайчневском и Ткачеве.

Точно устанавливает это родство Плеханов: «...литературная деятельность «партии Народной Воли» сводится к повторению на разные лады ткачевских учений»⁷. А связь ткачевских учений с нечаевщиной для Плеханова несомненна: он отмечал, что именно ткачевский «Набат» занимался пропагандой террора и возвеличением нечаевского заговора.

Таким образом, можно сказать, что заговорщическая деятельность (в том числе и один из ее видов - нечаевщина) есть одно из политических выражений революционности мелкого буржуа. Эта деятельность не имеет ничего общего с социализмом, и по сравнению с деятельностью социалистической – **реакционна**.

Якобинство, хотя и не усвоенное и не испытанное по-настоящему на практике, серьезно подорвало свой кредит. Однако в то время низвергнутым и разбитым оно не было. Оно

⁶ Дейч Л.Г. Был ли Нечаев гениален? «Группа «Освобождение труда». Сб. № 2. С. 77.

⁷ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. I. С. 176.

было, так сказать, отложено в сторону. Оно нуждалось еще в настоящей проверке.

Лавристы: просвещение и пропаганда

А пока революционная деятельность молодежи приняла другое направление, тесно связанное с якобинством (связанное через полное противопоставление ему; это был «антитезис») - направление «пропагандизма». Итак, отталкивание от заговорщичества, от якобинства вполне понятно. Но почему новое направление выбрало своим знаменем именно пропагандизм?

Собственно, к пропаганде молодежь готовилась давно. Этому учили ее Герцен, Огарев и, в особенности, Добролюбов и Чернышевский. Да и деятельность нечаевцев была синтезом двух стремлений - пропагандистского и заговорщического (вспомним, что Лунин, Иванов и другие студентов хотели странствовать артелью). Но заговор временно взял верх над пропагандой. И вот теперь пропаганда стала номером первым на повестке дня. Пропагандисты (кружок чайковцев и др.) имеют ту же социальную базу и то же объективное содержание, что и якобинцы - выражение мелкобуржуазной революционности. Но есть, нам думается, существенное отличие. «Якобинцы» – это политическое выражение интересов мелкого производителя как собственника, пропагандисты - как трудящегося.

Разъясним это. Каковы могут быть интересы мелкого собственника, человека, владеющего какими-то средствами производства? Во-первых, он чужд всем, он один против всех, он отделяет себя от всех, ему все - враги. Стало быть, общество, рассматриваемое с точки зрения мелкого производителя как собственника, - это общество врагов: каждый противостоит всем и каждому. Для того чтобы сохранить такое свое положение собственника, чтобы каждый не пожрал каждого, это «общество врагов» нуждается в правящей силе, которая бы не служила ни одному из них (т. е. не усиливала бы ни одного

из них), для которой каждый из них был бы безразличен (ибо только тогда, согласно убеждениям собственника, возможна справедливость). Они нуждаются в силе, стоящей над ними и чуждой им.

Заговор и следующее за ним бонапартистское правительство как раз и являются такой силой, поэтому они (собственники) и отдадут им свои симпатии. (Могут сказать, что это бонапартистское правительство будет потом гнуть их в бараний рог; но во-первых; будет гнуть, по их убеждению, всех одинаково, а во-вторых... а, во-вторых – если бы мелкий производитель умел так далеко заглядывать вперед...)

Так в теории. И это хорошо понимал даже Ткачев – он говорил именно так: заговор нужен потому, что мужик не соединен с мужиком, потому, что община противостоит общине и т. д., потому, что каждый - против каждого. И еще Ткачев говорил, что ткачевское (читай, бонапартистское) правительство нужно потому, что крестьянин – собственник.

Иное дело – мелкий производитель как труженик. Труд составляет основу для единства мелких производителей. Так они противостоят крупным собственникам. Собственность – это то, что их разъединяет, труд – это то, что их соединяет, что роднит их с пролетариатом и делает более других классов восприимчивыми к социалистическим идеям (ибо в основе социалистического принципа, как известно, лежит правило: жить своим трудом). И вот это стремление мелкого производителя, крестьянина-труженика к единению, к справедливому, свободному и равноправному труду и было объективной основой распространения социалистических взглядов среди интеллигенции, было основой деятельности пропагандистов. Но здесь было и предрешение того, что эта деятельность не удастся, потому что нет отдельно крестьянина-собственника и крестьянина-труженика. А есть один крестьянин - он и собственник, он и труженик; как собственник – стремится к капитализму, как труженик – к социализму, не

будучи в состоянии принимать по-настоящему, близко ни то, ни другое.

Итак, отказ от нечаевщины вызван был отвращением к методам Нечаева, а главное - ее безрезультатностью. Нечаевщина обусловила (в определенном смысле) и формы новой революционной деятельности, которые рождались как антиподы нечаевщины.

Главным уроком, извлеченным из нечаевщины, было осознание (или скорее ощущение) того, что революционная деятельность без народа бесплодна. После нечаевщины лозунг «В народ!» приобрел много новых сторонников, стал основным лозунгом революционной молодежи. Однако содержание этого лозунга разными людьми раскрывалось по-разному, а вернее, ясного представления о будущей деятельности в народе не имел никто. Велись бесконечные споры, шли приготовления – каждый молодец готовился действовать на свой образец.

В разгар этих споров и приготовлений (т. е. в 1873 г.) и появились в заграничных изданиях бакунистские и лавристские программы, бакунистское и лавристское понимание лозунга «В народ!». Это уже были не «взгляды и нечто», не юношеские спутанные мечтания, а тщательно и всесторонне разработанные платформы, которые вполне годились к тому, чтобы стать основой для размежевания инакомыслящих и для более тесного идейного сплочения единомышленников. Это был материал для выбора пути.

Однако в 1873-1874 гг. четкого разделения молодежи на бакунистов и лавристов не произошло. Да мало кто и видел существенное различие двух программ: нужен был опыт, чтобы почувствовать их принципиальную разницу.

К моменту начала массового движения в народ (т. е. к весне 1874 г.) молодежь теоретически примкнула к Бакунину «всею своею массою»,⁸ - пишет О. В. Аптекман. С одной стороны,

⁸ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг, 1924. С. 180.

сказался бакунистский призыв к немедленному действию, с другой - статья в первом номере журнала «Вперед» о необходимости «бесконечного учения» в университетах. «Но, - продолжает О. В. Аптекман,- пропагандистская волна ... перетасовала там, в народе, все направления, уничтожив практически все различия и оттенки революционных фракций: революционеры, словно сговорившись, делали в народе одно дело – пропагандировали идеи социализма. И вышло, что все были тогда пропагандистами: и «бунтари» и «лавровисты»⁹.

Итак, на практике, «все были тогда пропагандистами», пропагандистами социализма в крестьянской среде, т. е. лавристами. Это свидетельство мемуариста подтверждается многочисленными воспоминаниями других участников «хождения в народ», материалами судебных дел, признается многими исследователями.

Хождение в народ 1874—1875 гг.— это было испытание на практике идеи лавризма, это была попытка внесения социалистического (или почти социалистического) сознания в крестьянские массы.

Каковы же итоги этой практики, каков результат этой попытки? Оказалось, что мужик не восприимчив к социалистическим идеям. Воспоминания пропагандистов полны комическими и печальными примерами того, как встречали крестьяне их проповеди. «Если не считать единичных, успешных случаев пропаганды,— подбивает итоги О. В. Аптекман,— то в общем результат ее, пропаганды, в народе почти неуловим».

Иллюзии рассеивались. «Тяжелый опыт нескольких лет не мог не убедить всякого трезвого человека в том, что ... социализм западный совершенно отскакивает от русской массы, как горох от стены»,— писал С. М. "Кравчинский.

Вот как Лавров описывает то состояние подавленности,

⁹ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг, 1924. С. 180.

охватившее пропагандистов (он обобщает содержание писем, приходивших во «Вперед» в тот период): «Пропаганда партии, расширяющая и укрепляющая партию, бессмысленна. Но это — единственное дело социально-революционной партии, по мнению автора. Если оно невозможно, вредно и бессмысленно, то у партии нет никакого дела, сама партия не имеет смысла, само социальное революционное дело невозможно». И значит, остается, - как писали авторы подобных писем, «сложить руки», «ждать спасителей из-за границы» или ... «пустить себе пулю в лоб». «Пулю в лоб». И это не было фразой. Эти письма писались кровью сердца. Некоторые выдающиеся пропагандисты покончили с собой. И покончили не в тюрьме, не в страшных условиях каторги (хотя были и такие), но на воле. Их раздавила большая духовная драма.

Были и те, кто «сложил руки» и «стал ждать». Но чего ждать — они толком не знали, а потому отчасти теоретизировали, отчасти трудились, так сказать, на ниве мирного прогресса. Это так называемые поздние лавристы. Они были живым воплощением краха лавризма: действительность и их теории потеряли всякие точки соприкосновения. И потому сами себя они называли «недеятельными» в отличие от «современных деятельных протестантов» (т. е. народовольцев и чернопередельцев). И вот в конце 1879 г. последний аккорд: по сведениям известного представителя лавристского течения Кулябко-Корецкого, петербургский кружок лавристов был даже самими членами признан формально закрытым. Лавризм приказал долго жить. (При этом в скобках надо заметить, сам Лавров решительно расходился с поздними лавристами, ибо Лавров — шире, чем лавризм, ибо Лавров к 1877—1878 гг. сам перестал быть лавристом, или, по крайней мере, чистокровным лавристом. Известно, что в конце 1876 г. на съезде лавристов в Париже Лавров разошелся со своими последователями, которые выступали против усиления боевой активности. Лавров же был сторонником действий и действий решительных, что и привело его впоследствии в «Народную

волю».)

Но не для всех революционеров крах лавризма оказался личным крахом. Александр Квятковский, например, признавая «весь неуспех» пропаганды, говорил о «важности отрицательного значения этого движения», которое, по его словам, дало богатый материал опытов и наблюдений взамен «довольно смутного» прежде представления о народе, о мужике.

Революционеры стали изучать опыт и увидели, что они, инстинктивно тянувшиеся к бакунизму, который призывал ничего не навязывать народу извне, который говорил о необходимости агитировать на почве насущных интересов крестьянства, а не на почве абстрактных социалистических идеалов, они, повторяю, увидели, что на деле они были именно пропагандистами лавристского толка; теперь они поняли принципиальную разницу двух этих учений. Наступало время практического испытания бакунистских идей. «Когда пропаганда,— писал О. В. Аптекман,— завершила полный цикл своего развития, молодежь, в критической оценке своей пропагандистской деятельности, вернулась к исходному ее пункту — к бакунизму, возродившемуся в форме «революционного народничества» с лозунгом «Земля и Воля».

«Надобно начать с другого конца. Надобно дать Сысою (т. е. крестьянину - Г.В.) то, что он требует»,— так стали думать революционеры. И вместо пропаганды, по словам В. И. Засулич, поверили в возможность поднять народ посредством агитации на почве уже имеющихся у него желаний и чаяний.

Так революционная интеллигенция спускалась с неба на грешную землю. И как бы «грешна» ни была земля, только она дает человеку действительную силу, только на ней его планы могут стать реальностью.

Теряло кредит лавристское субъективно-идеалистическое представление о том, что мнения правят миром, что сознание по своему усмотрению творит бытие. Жизнь, практика толкала

революционеров к большему уважению логики реальной жизни. И переход в практической деятельности от лавризма к бакунизму был важным шагом на этом пути.

Бакунизм: Революционная организация, «хождение в народ»

Бакунин не имел ясного представления о диалектике общественного сознания и общественного бытия, о соотношении революционной теории и классовой борьбы. Но бакунизм требовал считаться с действительностью, говорил об объективных законах истории, обращал внимание в особенности на экономическое бытие людей.

Бакунизм преобразовал не только содержание революционной деятельности, но и ее форму. Он поставил на практическую почву вопрос о революционной организации.

Пропагандисты (лавристы) были отчаянными врагами строгой организованности, централизма, «генеральства», они хотели, чтобы ничто не напоминало о кошмарах нечаевского заговора. И потому ударились в другую крайность. Но жизнь сглаживает, нивелирует симпатии, она порождает крайности и уничтожает их, создавая синтез. Закономерность прокладывает себе дорогу. Жизнь, насущные интересы движения требовали сплоченности революционных сил, координации их действий, т. е. требовали *организации*. Отрицая в теории необходимость организации, пишет Е. А. Серебряков, пропагандисты на практике «оказались связанными друг с другом, во многих случаях даже не подозревая этого», ведь им надо было «вести сношения в виду того или другого содействия, или для получения того или другого сведения». А это, вследствие отсутствия, объединяющего центра, влекло за собой обширную переписку, встречи массы посредников и т. п. «Получилась какая-то странная организация, при которой каждый делает, что хочет, но его ошибки и промахи отзываются на всех»¹⁰.

¹⁰ Серебряков Е.А. Общество «Земля и воля». Лондон, 1902. С. 5.

Таким образом, практика революционной борьбы требовала изменения деятельности интеллигенции в народе не только по содержанию, но и по форме.

«Все мои помыслы,— писал в автобиографии один из руководителей «Земли и воли» Александр Михайлов,— были сосредоточены на расширении практической выработки и развитии организации. В характерах, привычках и нравах самых видных деятелей нашего общества было много явно губительного и вредного для роста тайного общества; но недостаток ежеминутной осмотрительности, рассеянность, а иногда и просто недостаток воли и сознательности мешали переделке, перевоспитанию характеров членов соответственно организации мысли. И вот я и Оболяшин начали самую упорную борьбу против широкой русской натуры... Сколько выпало на нашу долю неприятностей, иногда даже насмешек! Но все-таки, в конце концов, сама практика заставила признать громадную важность для дела наших указаний, казавшихся иногда мелкими. Мы так же упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и некоторой централизованности. Это теперь всеми признанные истины, но, тогда за это в своем же кружке могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала нас — эти принципы восторжествовали»¹¹.

Так произошло отрицание отрицания — идея строгой организации и централизма, нашедшая отражение (хотя и уродливое) в деятельности нечаевцев и отвергнутая чайковцами, вновь возвращалась к жизни. Но она возвратилась к жизни обогащенная и преобразованная опытом массового хождения в народ в 1874—1875 гг., и потому по своей реальной наполненности это была *новая идея*. Если организация нечаевцев была узкой организацией *сюр д'etat*, то созданное бунтарями «Общество «Земля и воля» — по справедливому

¹¹ «Былое», СПб, 1906, № 2. С. 162-163.

замечанию Е. А. Серебрякова,— имело целью объединить все революционные элементы в одну партию и двинуть их на работу в народных массах».

Организацию, созданную землевольцами, последующие поколения революционеров (например, русские социал-демократы) считали образцом «боевой централизованной организации».

Организация имела программу и устав. В программе были зафиксированы изменения, происшедшие в мировоззрении революционной интеллигенции под влиянием опыта пропагандистской деятельности. «...Мы суживаем наши требования,— говорится в программе,— до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту». И главными среди этих требований были анархистские требования «перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения» и организации «полного мирского самоуправления».

Главным средством для достижения этих целей считалась агитация словом и в особенности делом (организация стачек, демонстраций, бунтов, протестов против произвола местных властей). Такого рода агитация заставила революционеров решительно пересмотреть применявшиеся ранее пропагандистские формы деятельности — когда революционные проповедники только проходили по деревням или, по выражению А. Д. Михайлова, «только проходили через народ» (этим, кстати, нередко объяснялось, почему народ с недоверием слушал их речи). Решено было, что называется, по-настоящему слиться с народом, завоевать его полное доверие. «Главная первоначальная задача народника,— писал А. А. Квятковский,— это приобретение уважения, доверия народа, а следовательно, и влияния на него». Этому, по замыслу землевольцев, должны были послужить длительные и прочные «поселения» революционеров в народе.

Начинался (1876 г.) новый фазис борьбы революционного

народничества: на суд практики «выносились» бакунистские идеи.

И через пять лет им был вынесен «приговор», не подлежащий обжалованию. Правда, частичное определение по «делу» состоялось еще в 1879 г. К нему и обратимся.

В 1879 г. «Земля и воля» раскололась на две организации: «Народную волю» и «Черный передел». Дали трещину бакунистские идеи!

Значительная группа землевольцев в результате трехлетней практики пришла к убеждению, что в условиях царского деспотизма и произвола эффективная агитация в массе (даже на почве ее интересов) невозможна. Агитаторы попадают в тюрьмы раньше, чем успевают получить реальные результаты своей деятельности. И вот, по мнению этой группы (впоследствии народовольцев), «для партии абсолютно необходимо изменить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произвол, уничтожить это нахальное вмешательство в народную жизнь и создать такой государственный строй, при котором деятельность в народе не была бы наполнением бездонных бочек Данаид»⁹².

Итак, «обуздать правительственный произвол», добиться демократических свобод, расширения прав - для того, чтобы иметь возможность более или менее открыто агитировать в народе, более или менее открыто спланировать революционные силы. Но попробуй добиться расширения прав, когда за тобой нет массовой силы!

Получается заколдованный круг: чтобы стать силой — нужны права, а права можно взять, только когда будешь силой. Такого рода «заколдованные круги» — очень распространенное явление в истории. Поэтому весьма любопытно, как пытались его разорвать народники и какой урок можно извлечь из этих попыток.

Народовольцы попытались разорвать его волевым усилием

горстки революционеров. Противоречие, сложившееся под действием объективных причин, имеющих глубокое основание в экономическом быте России, они захотели устранить посредством своей личной активности. Они решили один на один сразиться с абсолютизмом и вырвать права. И они всерьез рассчитывали на успех - правительство, государственный аппарат казались им изолированными от общества, противостоящими всему обществу в целом и не имеющими никаких глубоких корней в борьбе экономических интересов России. А раз правительство изолировано, разве оно сможет устоять против героев «Народной воли», пусть даже изолированных и от общества и от народа, но зато полных беззаветной решимости идти до конца? Старые ткачевские заблуждения, высмеянные в свое время Энгельсом! Но «заблуждениями» они были для Энгельса, но не для народовольцев: для народовольцев эти взгляды были убеждениями, и этим убеждениям предстояло пройти проверку практикой. Так пришло время практической проверки и *ткачевских* идей.

«Народная воля»

То, что было в зародыше в деятельности Нечаева и Ткачева — *политическая* борьба против самодержавия — получило развитие и стало главным в практике «Народной воли».

«Социальная революция — как конечная цель наша и политическая — как единственное средство для достижения этой цели», — так писали еще в конце 60-х годов Нечаев и Ткачев, авторы «Программы революционных действий».

«Мы должны поставить своей ближайшей задачей снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот»¹² — а так писали народовольцы в своей «Программе Исполнительного комитета».

¹² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 171-172.

Но в какую форму могла вылиться политическая борьба людей с народовольческим мировоззрением? Каким образом можно было запугать правительство?

На широкие массовые движения народовольцы не рассчитывали. Оставался террор как средство запугать, деморализовать правительства и, тайный заговор, как орудие захвата власти. Вот как об этом говорилось в народовольческой программе:

«Деятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т.п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех и, наконец, формировать годные к бою силы».

«Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра».

«Организация и совершение переворота.

В виду придавленности народа, в виду того что правительство частными усмирениями может очень долго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее»¹³.

Таковы основополагающие пункты программы народовольцев. Правда, в ней упоминалось и о необходимости агитационной и пропагандистской деятельности, но это было больше для успокоения своей совести—на практике «Народная воля» этим почти не занималась, ибо не было для этого ни сил ни условий, да и не для того, чтобы заниматься агитацией,

¹³ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 173-174.

вышли народовольцы из землевольческой организации. Все силы сосредоточились на террористической деятельности.

А террористическая деятельность в общем-то никого не запугала: место убитого негодяя занимал другой (часто — еще больший) негодяй. И даже убийство царя 1 марта 1881 г. оказалось, с точки зрения изменения политического строя России, не больше, чем прибавлением одной палочки к имени Александра — вместо Александра II стал Александр III, вот и все.

В то же время каждый террористический акт влек за собой аресты и гибель лучших, выдающихся революционеров. И конец Александра II был по существу концом и партии «Народная воля».

И не столько потому, что были арестованы почти все руководители Исполнительного комитета, сколько потому, что революционная интеллигенция начала понимать: из-за одной палочки, приставленной к царскому имени, не стоит губить десятки и сотни революционеров, надежду России. Да и устранение одного человека, стоящего наверху властной лестницы, не ведет к изменению общественных отношений в стране.

Таким образом, народовольцам не удалось разорвать тот заколдованный круг, они только, так сказать, слегка надорвали его — заявив во весь голос о необходимости *политической* борьбы. Призыв к политической борьбе был крупным шагом вперед в практике революционного движения 70-х годов. Однако борьба за политические права приобрела, увы, индивидуально-террористическую форму. В этом отношении народовольцы сделали шаг назад от «Земли и воли» с ее традицией опоры на массы, на народ, с ее стремлением формировать новую социальную культуру в обществе. Такова уж диалектика жизни стихийно развивающегося общества: шаги вперед сопровождаются нередко шагами назад, приобретения сопровождаются потерями.

«Чёрный передел»

Теперь посмотрим, как из заколдованного круга «право — сила» выходила другая группа землевольцев — те, кто был не согласен с политическим направлением деятельности «Народной воли», с ее *тактикой терроризма*, те, кто после раскола образовал партию «Черный передел»?

Правда, слово «выходила» к этой группе не подходит. Поэтому, если смотреть, так смотреть, как *вращалась* эта группа внутри заколдованного круга.

«Чернопередельцы» остались на традиционной народнической (землевольческой) точке зрения. «Утверждение террористов, что масса инертна,— писал чернопеределец О.В.Аптекман,— приводило народников в ярость. Никто из нас не в состоянии был отразить это мнение дельными аргументами, или фактами из народной жизни, а ограничивались лишь общими пустопорожними местами». Довольно резкую самокритику «навел» Осип Васильевич! Но и весьма справедливую.

Да, было много пустопорожних фраз, а реальных успехов не было. Агитация в крестьянстве в общем оставалась бесплодной. Куда же им теперь? В трагическом положении очутились «деревенщики»: путь «Народной воли» (заговорщические организации без народа) решительно отвергался ими; «для народа и только через народ» — они оставались верны этому лозунгу, они инстинктивно ощущали, что только в последнем случае возможен подлинный социализм, но что-то не получалось у них ничего с этим «народом». Правда, сдаваться они не спешили; и хотя почва ощутимо уходила из-под ног, они все еще верили, что дело «пойдет». Они верили, потому что не знали причин, почему не «идет» дело.

Но вера эта не была столь горячей, как прежде, она была верой рассудка, а не верой сердца, она не давала бодрости и энтузиазма.

«Деревенщики» объединились в «Черный передел». Они продолжали, так сказать, по инерции изрекать, по выражению О. В. Аптекмана, «общие места», носиться с общиной и «народными идеалами», но дела, живого дела у них не было. «Убежденные деревенщики» проповедовали деятельность в народе... и сидели в городах. Даже те немногие, что были в деревнях, снимались с места и возвращались в город.

Трагично было положение деревенщиков, сидящих в городе, теряющих всякие связи с деревней, с почвой, на которой они выросли. Это ясно понимали и сами чернопередельцы. Тот же О. В. Аптекман писал об этом времени: «Деревня ушла от нас — и, по-видимому, бесповоротно и надолго. Что же теперь? Что же мы, «чернопередельцы»-народники, значили без работы в деревне, в народе?». И дальше — страшные, беспощадно правдивые слова: «Мрачное отчаяние овладело мною. Мрачна была моя душа, мрачно и черно было все кругом. Меня страшило наше банкротство, которое — я это ощущал тогда всеми наболевшими струнами моей души — вот- вот уже надвигается на нас неотвратимо. Я чувствовал, что под моими ногами колеблется почва, пропасть разверзается, готова проглотить меня, моих товарищей — чернопередельцев, наше народничество, со всеми его гордыми помыслами и высокими стремлениями... Ни тюрьма, ни ссылка — ни каторга — даже и смерть не страшна была! Со всем этим мы с давних пор свыклись. Меня, повторяю, страшило наше банкротство, идейное и тактическое».

Ужасен каменный гроб одиночной камеры, ужасны пытки III отделения, кошмарна жизнь на каторге, но для мыслящего человека (тем более для революционера) нет ничего страшнее идейного банкротства. Это звучит парадоксально, но это святая правда — тюрьму некоторые революционеры встречали почти что с радостью: она спасала их от самих себя. Вот что пишет Аптекман по поводу своего ареста: «Значит в крепость» — подумал я, почувствовав, что меня охватила

радость. Да, читатель, радость, как это ни звучит странно, дико, почти уродливо. Значит — уж очень тяжело мне жилось в последнее время, что даже крепость казалась мне желанной пристанью, где бы я мог хоть немного отдохнуть и забыться».

Этим кончилась практика бакунизма, да и не только бакунизма. Все революционеры — народники 70-х годов после 1 марта 1881 г. решали трудную для себя проблему: как же дальше? И что же теперь?

Революционное народничество 70-х годов завершило цикл своего развития. Практика выяснила объективный смысл народничества. Выяснилось, что крестьянский социализм — утопия.

Трагедия «Черного передела» — это трагедия, вызванная тем, что социалистические идеалы проникли в сознание русской интеллигенции раньше, чем создались объективные условия для их осуществления.

«Исторически-реальное и исторически-правомерное содержание» народничества последующее поколение русских революционеров (социал-демократы) видели «в борьбе с крепостничеством». Они подчеркивали, что теории народничества «выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России».

А, спросим себя, каково реальное содержание борьбы «против старой, крепостнической России»? Реальное содержание этой борьбы заключается в требовании решительной ликвидации всех остатков крепостного права (и тем самым — в расчистке почвы для свободного ускоренного развития капиталистических отношений). Т. е. хотя субъективно народники и были против капитализма, но объективно народнические теории были теориями «массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического

против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского».

Итак, реальное содержание народничества — борьба против остатков крепостничества, против «прусского» пути развития.

Но тогда почему, спрашивается, такой крах потерпело народничество (и именно к началу 80-х годов)? Разве к этому времени были ликвидированы остатки крепостничества, разве начала Россия развиваться по американскому пути?

На это, мне думается, надо ответить так: крах потерпело народничество в качестве *социалистической* доктрины. Агония народничества в качестве социалистического учения началась в 80-х годах и завершилась в 90-х. Но, в качестве демократического учения, в качестве теории «массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего», народничество еще долгие годы сохраняло свое прогрессивное значение (это особенно ясно проявилось, в частности, во время первой русской революции 1905—1907 гг.).

Но беда вся в том, что народники хотели быть именно «социалистами», они хотели построить именно «социалистическое общество» (общество социального равенства). И главную силу, способную, на их взгляд, реализовать эту задачу, они видели в энергично настроенном, самоотверженном «революционном меньшинстве», в радикальной революционной организации, готовой «вести» народ к обществу социального равенства, т.е. к социализму.

Вот эта идея была самой опасной идеей всех вариантов народнического «социализма». Попытка ее осуществления, как мы уже писали, неминуемо завершилась бы диктатурой этого «революционного меньшинства», которое, вынужденное загонять людей в «социалистический рай» *насилом*, постепенно превращалось бы в «реакционное», наднародное и антинародное, меньшинство.

Между тем, этих опасностей в теории и в возможной последующей практике можно было бы избежать (или, по крайней мере, значительно их ограничить), если бы социалисты-народники более основательно вникли бы в теории и заветы своих учителей, основоположников русского социализма – Чернышевского и Герцена.